

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ

Пять рек жизни

ПАЛ Ь МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 0

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)
Е78

Ерофеев В.

Е78 Пять рек жизни : [сборник] / Виктор Ерофеев. — М. ;
СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира»,
2020. — 159 с. — (Серия «Пальмира — коллекция»).

ISBN 978-5-517-02704-7

«Пять рек жизни» — этапная книга Виктора Ерофеева, отчет о путешествиях писателя по великим рекам разных континентов и культур: Волге, Рейну, Гангу, Миссисипи, Нигеру. Этот «роман-река», в который притоками впадают язвительные, а порой очень горькие миниатюры, — новый жанр, новое видение Земли, людей, неба, в водах которого таятся доселе несказанное и невысказанное.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)

© Ерофеев В. В., 2020
© Оформление.

ISBN 978-5-517-02704-7

АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

Бог — един.
Бог

Исторический оргазм на Волге в Сталинграде

Напрасное журчание струй

Меня всегда беспокоило то, что Волга впадает в Каспийское море. Такая большая, такая многозначительная река, а впадает в никуда. Другие реки как реки текут осмысленно, прогрессивно в Мировой океан, телеологически осуществляя круговорот воды в природе, а Волга замкнулась сама в себе и задраилась, как у Канта. В этом есть особенный вид предательства. Волга собирает воду у других русских рек (идите ко мне! втекайте в меня!), те к ней льнут, втекают доверчиво, а она транжирит и разбазаривает.

Лежишь в высокой июльской траве под серебристой сенью ив на берегу нежнейшего притока, какой-нибудь шаловливой Истры, ну просто спицы в волжской колеснице, и думаешь: вот напрасное журчание струй, бесцельное предприятие. Так вся православная энергия сливается в мусульманский отстойник.

Не в том ли причина русской многострадальности?

Хотя, с другой стороны, как хорошо никуда никогда не впадать! Все при деле, а ты — без вещей. Как хорошо выпасть из всемирной закономерности и течь мимо, ве-

селясь и ленивась! Жуки ползают, кукушки кукуют, дети купаются. Церковь на косогоре отражается в речке. Благодарь. Родина. Июльское оцепенение. Между пальцев ног чавкает теплый ил.

— Есть ли у нас будущее? — жужжат дети.

— Есть ли у нас крылья? — поют насекомые.

— Есть ли у меня надежда? — кукует церковь.

Я сворачиваю пейзаж в рулон. Пищит все живое. Помедлив, я разворачиваю.

Выбор посуды

— Зачем вам пустая банка? — говорит капитан.

— Да так, — говорю я, смущенно пряча пустую банку за спину.

— Кажется, — подозрительно щурится он, — вы задумали что-то недоброе. У вас плохая репутация. Вы действуете по заданию?

— Нет.

— Тогда зачем вам банка?

— Какая еще банка!?

— Та, которую вы прячете за спиной!

— Ах, эта!

— Вы хотите повернуть Волгу к Мировому океану?

— Я хотел, но передумал.

— Почему?

— Не знаю. Я против насилия над природой.

— Ну, хорошо. Зачем вам банка?

— Капитан, я скажу, но только пусть это будет между нами.

— Говорите.

— Я хочу ее наполнить водой из Волги.

— Каким это образом?

— Ну, просто зачерпну.

— И что дальше?

— Ничего.

- Зачем вам вода из Волги?
- Для анализа.
- Какого еще анализа?
- Целевого.
- Это запрещено.
- Что запрещено?
- Брать воду из Волги на анализ.
- Где это сказано?
- Что сказано?
- Что запрещено.
- Вам что, закон показать?
- Да.
- Знаете, что?
- Что?
- Отдайте банку.
- Нет. Не отдам.
- Отдайте по-хорошему.
- Капитан, ну чего вы как маленький.
- Нет, это вы, как маленький. Корчите из себя пророка!
- Капитан, смотрите, что у меня есть.
- Уберите. Уберите немедленно! Уберите!
- Ну я же могу взять другую банку.
- Сначала отдайте мне эту.
- Нате! Берите!
- И если я вас увижу с какой-либо другой пустой посудой... Имейте в виду!
- Вы меня пугаете?
- Я вас предупредил.

Выбор спутницы

- Вот сука, капитан! — сказал я моей спутнице. — Отнял банку! Отнял банку в свободной стране!
- Свободной стране! — отозвалась спутница.
- Обещал утопить!

— Как же нам быть? — испугалась она.

— Ждать.

Волга — бетон русского мифа. Не река, а автострада слез. Я все время откладывал поездку вниз по Волге, как обязательную, если не принудительную, командировку в поисках пошлости. Я ссылался на занятость, истощенность сентиментальной темы и без труда находил себе оправдание.

К тому же, я был отравлен своими юношескими впечатлениями от мимолетных, почти случайных дотрагиваний до таких волжских прелестей, как Гасхальная ночь в ярославской церкви, где старушки падали в обморок от толчеи и духоты, но не могли упасть по недостатку места и продолжали качаться вместе с толпой, потеряв сознание, с закатившимися зрачками.

Длинноволосым тинэйджером в конце первомайских праздников я ехал из Углича в Москву в переполненном вагоне, вонявшем липкими носками и потом, и ночью мужик принялся блевать, рядом со мной, и его жена, не зная, что делать, стала подставлять ему, вместо тазика, его же собственные ботинки, сначала один, потом — второй. Мужик наполнил их до отказа блевотиной и облегченно захрапел.

Ботинки, полные блевотины, — это и была моя Волга, с красными выцветшими флагами, серпами и молотами, мертвыми магазинами, пахнущими дешевым коричневым мылом. И то, что в Угличе три века назад убили царевича Дмитрия, было, после этих ботинок, для меня вовсе не удивительно.

Через полжизни, измученный дурными предчувствиями, с тяжелым неверием в народную мудрость, я, наконец, решился на подвиг подглядывания: что же там с ними на Волге делается? Спились окончательно? Осатанели? Подохли?

Я внутренне подготовился к смертельной скорби и циничной усмешке, как будто шел на трагедию в театр. Оставалось лишь тщательно выбрать спутницу, чтобы кормить в антрактах мороженым.